

В. А. КУЗЬМИН

МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА ПОРОГЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(июль — август 1939 г.)

Летом 1939 г. державы «оси Берлин — Рим» вполне обоснованно ожидали, что передача Францией части сирийской территории, Александреттского санджака, Турции вызовет отрицательную реакцию в арабских странах. «Это может быть использовано нашей пропагандой», — указывал в своей телеграмме в Рим итальянский посол в Турции¹. После заключения франко-турецкого соглашения 23 июня 1939 г. пресса Германии и Италии обвиняла турок в захвате арабской территории и лицемерно выражала свое сочувствие арабам². Передача Александреттского санджака Турции действительно вызвала отрицательную реакцию в арабском мире, во многих арабских странах состоялись демонстрации протеста, участники которых резко осудили действия французских властей³.

После подписания франко-турецкой декларации правительства Англии и Франции предприняли меры по укреплению своих военно-стратегических позиций на Ближнем Востоке. Еще 5 июня 1939 г. в Александрию прибыл новый главнокомандующий британскими военно-морскими силами в Восточном Средиземноморье адмирал Каннингхэм⁴. В начале июля он произвел инспекционную проверку подготовленности береговой обороны Порт-Саида и зоны Суэцкого канала к отражению возможного нападения. Каннингхэм пришел к выводу, что установленных в апреле артиллерийских батарей в Порт-Саиде, Суэце и других пунктах канала явно недостаточно, в особенности если итальянская авиация попытается

¹ DDI, ser 8, vol. 12, № 210, p. 183—184. Де Пеппо — Чиано. Анкара, 13.VI.1939.

² П. К. Тарасов. Присоединение Турции к англо-французскому блоку накануне второй мировой войны. — В сб.: Международные отношения в новейшее время, ч. 1. Свердловск, 1966, стр. 67.

³ О реакции Сирии на франко-турецкое соглашение 23 июня 1939 г. см.: П. К. Тарасов. Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку (1936—1939 гг.). Канд. дис. Свердловск, 1965.

⁴ D. A. Farnie. East and West of Suez. Oxford, 1969, p. 616.

подвергнуть бомбардировке корабли, проходящие через канал, для того чтобы блокировать этот путь в самом начале войны⁵. 4 июля 1939 г. в восточной части Средиземного моря состоялись крупные маневры британского флота (при участии военно-воздушных сил) под командованием адмирала Каннингэма. На маневрах присутствовал английский посол в Египте М. Лэмпсон. В ходе состоявшихся учений отработывались варианты нападения на флот противника с применением подводных лодок, торпедных атак, бомбардировки с воздуха и т. д.⁶

Сведения о предпринятых англичанами мерах по укреплению обороны Суэцкого канала просочились на страницы арабской и европейской печати и вызвали озабоченность в Германии и Италии. Комментируя эти сообщения, немецкая газета «Ангрифф» от 10 июля 1939 г. открыто выражала недовольство действиями англичан⁷.

Египетское правительство, действуя по указке из Лондона, поспешило рассеять подозрения держав оси. Заместитель министра иностранных дел Египта заявил 13 июля итальянскому послу: «Англия и не помышляет о создании укреплений на Суэцком канале ввиду того, что этот международный путь нейтрален и поэтому не может быть использован в военных целях»⁸. Подготавливая очередной тур переговоров по «умиротворению» Германии и Италии, англичане по тактическим соображениям стремились создать у держав оси впечатление, что в вопросе о Суэцком канале «речь идет об обычных переговорах между компанией Суэцкого канала и британскими военными властями по второстепенным вопросам... в соответствии с англо-египетским договором». Итальянский посол в Каире Маззолини был склонен верить подобным заявлениям⁹.

18 июля 1939 г. в Каир возвратился министр иностранных дел Египта Абдель Фаттах, который после своего визита в Турцию посетил также Грецию, Румынию, Югославию и Болгарию. В результате поездки египетского министра не было заключено никаких политических, экономических или торговых соглашений. Однако по возвращении в Каир Абдель Фаттах заявил, что «хорошие отношения между Египтом и Турцией, дружба, связывающая народы обеих стран, и общее желание сотрудничать в экономической области равнозначны союзу»¹⁰.

Начальник королевской канцелярии Али Махир, хорошо известный своими симпатиями к державам оси, в беседе с итальянским послом заявил, что поездка Абдель Фаттаха «является но-

⁵ D. A. Farnie. East and West of Suez, p. 616; "The Times", 4. VII. 1939.

⁶ The Killearn Diaries. The diplomatic and personal record of lord Killearn (sir Miles Lampson). 1934—1946. Ld., 1972, p. 106—107. Запись от 4.VII.1939.

⁷ DDI, vol. 12, N 531, p. 397.

⁸ Ibid., № 560, p. 423. Маззолини — Чиано. Каир, 13.VII.1939.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., № 619, p. 469. Маззолини — Чиано. Каир, 20.VII.1939.

вым признаком слабости» египетского правительства. По мнению Али Махира, все, что было сказано о политическом значении поездки, не соответствовало действительности, переговоры о военных соглашениях между Египтом и Турцией не велись¹¹.

Однако у итальянцев продолжали оставаться «сомнения» о целях визита египетского министра в Анкару¹². Эти «сомнения» усиливались комментариями некоторых каирских газет, которые поместили материалы, посвященные итогам поездки Абдель Фаттаха. В частности, в передовой статье газеты «Аль-Ахрам» от 19 июля делался следующий вывод: «Результаты поездки министра... мы вскоре ощутим либо по торговым соглашениям, либо по договорам о совместной обороне Восточного Средиземноморья и о сохранении безопасности в этом море»¹³.

В египетских дипломатических кругах, сообщал в Рим итальянский посол в Каире Маззолини, считают, что «изучение возможностей торговли... будет также сопровождаться и изучением политических сторон отношений между Египтом и Турцией». Далее Маззолини писал: «Возможность политического развития результатов визита не исключается в здешних кругах, которые, впрочем, понимают, что это будет зависеть не столько от инициативы Египта и Турции, сколько от воли Англии»¹⁴.

После передачи Турции Александреттского санджака мандатные власти Сирии, стремясь не допустить открытого выступления арабов против французского господства, пошли на принятие чрезвычайных мер. Было произведено формальное отделение от Сирии районов Латакии, Джебель-Друза и Джезире, в которых были созданы специальные режимы. Вслед за этим в июле 1939 г. французский верховный комиссар Г. Пюо отменил действие сирийской конституции, распустил парламент и заменил национальное правительство «советом пяти директоров», который был подчинен непосредственно французскому чиновнику — представителю верховного комиссара в Дамаске — и имел крайне узкие административные полномочия¹⁵. В Сирии был целиком восстановлен режим колониальной диктатуры французских монополий¹⁶. В условиях надвигавшейся войны Франция стремилась сохранить в неприкосновенности мандат на эту территорию и укрепить свои позиции в Восточном Средиземноморье.

19 июля 1939 г. премьер-министр и министр обороны Франции Даладье, считавший возможным превратить Бейрут в «большую казарму второго фронта»¹⁷, дал директиву генеральному штабу

¹¹ *Ibid.*, № 572, p. 430. Маззолини — Чиано. Каир, 14.VII.1939.

¹² *Ibidem.*

¹³ DDI, vol. 12, № 619, p. 470.

¹⁴ *Ibid.*, p. 469—470.

¹⁵ Р. Давос. Наступление империалистической реакции на народ Сирии.— «Коммунистический интернационал», 1939, № 10, стр. 51; Современная Сирия. М., 1958, стр. 152—153; G. Puaux. Deux années au Levant. P., 1952, p. 45—46.

¹⁶ Новейшая история арабских стран. М., 1968, стр. 56.

¹⁷ A. Fabre-Luce. Deuil au Levant. P., 1950, p. 149.

приступить к формированию в Леванте экспедиционного корпуса¹⁸. Французские правящие круги создавали «армию Леванта» по нескольким причинам. Во-первых, она была нужна для защиты владений французского империализма на Ближнем Востоке от держав-агрессоров: Германии и Италии. Во-вторых, эта армия была нужна Франции для использования ее против возможных посягательств на Левант со стороны Англии, основного соперника французского империализма на Ближнем Востоке; Турция также выдвигала притязания на эти территории. В-третьих, «армия Леванта» должна была служить французскому империализму (так же как «второй резерв» — английскому) в качестве полицейской силы, чтобы подавлять национально-освободительное движение в подмандатных территориях. В период «странной войны» отчетливо проявилось еще одно предназначение французского экспедиционного корпуса — антисоветское¹⁹.

22 июля 1939 г. английское правительство дало указание начать переброску в Египет войск из Индии²⁰, а 24 июля назначило главнокомандующим британскими силами на Ближнем Востоке генерала А. Уэйвелла, «хорошо знающего, благодаря своему личному опыту, как надо действовать на Ближнем Востоке»²¹. В первую мировую войну Уэйвелл хорошо изучил весь ближневосточный район, будучи начальником штаба армии маршала Алленби, затем он входил в состав английской военной миссии при русской армии в Закавказье²². Уэйвелл являлся одним из руководителей антисоветской интервенции в Закавказье. В 1936—1937 гг. генерал Уэйвелл командовал большой карательной армией, предназначенной для подавления арабского восстания в Палестине²³.

В инструкциях²⁴, которые были даны Уэйвеллу, указывалось, что под его командование немедленно переходят все британские сухопутные войска, расположенные в Египте, Судане, Палестине, Трансиордании и на Кипре. На генерала Уэйвелла возлагалась ответственность за подготовку всех планов военных операций английских войск, расположенных не только в этих странах, но и в Ираке, Адене, Британском Сомали и в зоне Персидского залива, переходящих под его командование в случае начала войны. Уэйвелл должен был поддерживать тесные контакты с командую-

¹⁸ Л. П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964, стр. 148.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Р. Юрвев. Подготовка Англии и Франции к нападению на Советский Союз с юга в 1939—1940 годах. — «Вопросы истории», 1949, № 2; И. Н. Чемпалов. Политика англо-французского блока на Балканах в период «странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940 гг.). — «Уч. зап. Уральск. ун-та», 1957. Сер. историч., вып. 16. Г. Ратиани. Конец третьей республики во Франции. М., 1964.

²⁰ D. A. Farnie. East and West of Suez, p. 616.

²¹ Д. Батлер. Большая стратегия (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.). М., 1959, стр. 49; I. S. Playfair. The Mediterranean and Middle East, vol. 1. Ld., 1954, p. 32.

²² M. Weygand. Rappele au service. P., 1950, p. 47.

²³ См.: Новейшая история арабских стран, стр. 126; I. S. Playfair. The Mediterranean and Middle East, vol. 1, p. 32.

²⁴ I. S. Playfair. The Mediterranean and Middle East, vol. 1, App. 1, p. 457—459.

щими британскими военно-морскими и военно-воздушными силами в этом районе, с дипломатическими и колониальными представителями Англии на Ближнем Востоке. Он должен был всемерно добиваться полного подчинения национальных вооруженных сил арабских стран, в частности Египта, английскому командованию. На Уэйвелла возлагалась задача посетить все территории, на которые распространялось его командование в случае войны, для того чтобы «изучить положение на местах и составить собственное мнение о местных проблемах». Действуя совместно с адмиралом Каннингхэмом и маршалом авиации Митчеллом, генерал Уэйвелл должен был сотрудничать с французскими военными властями в Северной Африке, Сирии, Французском Сомали, с генеральными штабами Турции, Греции и Румынии. Генерал Уэйвелл подчинялся комитету начальников штабов и военному министру Англии и должен был выполнять только их приказание; его штаб-квартира должна была располагаться в Каире.

Создание «второго резерва» еще раз показывает, что «проарабская» политика английского империализма, провозглашенная им накануне войны, не изменила в действительности его отношения к арабам. Армия генерала Уэйвелла должна была охранять позиции Великобритании на Ближнем Востоке и, естественно, использоваться против любых проявлений арабского национально-освободительного движения.

В конце июля 1939 г. на Мальте состоялись переговоры адмирала Каннингхэма с командующим средиземноморским флотом Франции вице-адмиралом Оливье²⁵. На переговорах было признано, что общая задача союзных флотов в войне на Средиземном море состоит в нарушении всех морских коммуникаций Италии, сохранении и обеспечении контроля над всеми входами в Средиземное море, оказании средствами флота любого другого давления на Италию. Каннингхэм и Оливье обменялись планами ведения воздушной разведки и действий подводных лодок в случае начала войны. Были разработаны предварительные планы операций по бомбардировке с моря и воздуха некоторых итальянских портов в Ливии, Сицилии и на Апеннинском полуострове.

В ходе переговоров возник замысел нанести некоторые из этих бомбовых ударов сразу же, как только начнется война. Однако английское и французское правительства к этому времени уже договорились ограничить бомбардировки исключительно военными объектами в самом узком смысле этого слова. Фактически такие решения свидетельствовали о нежелании западных держав реально вести активные боевые действия, наносящие ущерб военнопromышленному потенциалу держав оси. Свой отказ от бомбардировок промышленных и военных объектов противника мюнхенские руководители Англии и Франции лицемерно объясняли стремлением

²⁵ I. S. Playfair. *The Mediterranean and Middle East*, vol. 1, p. 28—29.

избежать жертв среди гражданского населения²⁶. По утверждению И. Плэйфера, вышеуказанное решение английского и французского правительств «означало, что намеченные планы не могли быть выполнены и что операции флота в начале войны ограничились бы действиями против подводных лодок и поисками кораблей противника в открытом море — весьма неинтересная альтернатива»²⁷. Вместе с тем наращивание британских сил на Ближнем Востоке неуклонно продолжалось. 3 августа 1939 г. из Бомбея были отправлены на Ближний Восток первые контингенты индийских войск; 15 августа они высадились в Суэце²⁸.

После заключения франко-турецкой декларации 23 июня 1939 г. западные державы начали очередной этап дипломатических маневров, направленных на то, чтобы договориться с гитлеровской Германией за счет СССР и соседних с ним стран Восточной и Юго-Восточной Европы и при помощи тайных переговоров и явных заигрываний попытаться «умиротворить» Муссолини, добиться отрыва Италии от «оси Берлин — Рим».

В первые дни после заключения франко-турецкой декларации в Париже ожидали, что Италия выразит свой протест по поводу передачи Турции Александреттского санджака²⁹, части территории Сирии, на которую итальянские фашисты выдвигали свои собственные притязания. Было совершенно ясно, что в данной ситуации ведение прямых франко-итальянских переговоров по поводу «минимальных» требований Италии к Франции временно становится невозможным. В этих условиях роль инициатора таких переговоров берет на себя правительство Англии. 26 июня 1939 г. английский премьер-министр Чемберлен открыто заявил на заседании палаты общин, что британское правительство «не считает целесообразным» предпринимать какие-либо шаги по поводу усилившихся нападок итальянской печати на Англию³⁰. 29 июня итальянский поверенный в делах сообщал из Лондона: «Из источников, близких к премьер-министру... мне стало известно, что в связи с нынешним международным положением правительство Англии решило обратиться к французскому правительству и побудить его сделать какой-нибудь жест, который бы облегчил возобновление переговоров с Италией с целью разрешения итало-французских противоречий»³¹.

Стремясь побудить Германию и Италию к сговору, английская дипломатия использовала в качестве средства давления на них

²⁶ I. S. Playfair. The Mediterranean and Middle East, vol. 1, p. 28—29.

²⁷ Ibid., p. 29.

²⁸ C. Mackenzie. Eastern epic, vol. 1. Ld., 1951, p. 17; D. A. Farnie. East and West of Suez, p. 616.

²⁹ DDI, vol. 12, № 351, p. 283.

³⁰ Ibid., № 372, p. 295.

³¹ Ibid., № 408, p. 318. Поверенный в делах Италии в Великобритании Крол-ла — Чиано. Лондон, 29.VI.1939.

угрозу соглашения с Советским Союзом³². Хорошо известно, что в действительности Англия и Франция пытались поставить СССР в неравноправное положение, добиться от него односторонних гарантий ряду европейских стран, что неминуемо привело бы его к военному столкновению с Германией. Если же не удавалось обеспечить единоборство Советского Союза с фашистской Германией на начальном этапе войны, то тогда, по замыслу английских империалистов, следовало всемерно добиваться нейтралитета Италии. Такая точка зрения была отчетливо выражена в одном из писем английского посла в Риме П. Лорейна министру иностранных дел Галифаксу. Лорейн писал: «В июне, я думаю, Ваше мнение состояло в том, что окончание переговоров с Россией, успешное или неудачное, было бы верным моментом для убеждения французов начать переговоры с Италией относительно Джибути, Суэца и Туниса»³³. В целях решения этой задачи английская дипломатия умело использовала обострившиеся противоречия между Германией и Италией в Юго-Восточной Европе³⁴.

В связи с вопросом о возможном возобновлении франко-итальянских переговоров заслуживает внимания памятная записка, представленная 26 июня 1939 г. руководителем отдела стран Европы и Средиземного моря итальянского МИД Гварнаскелли министру иностранных дел Чиано³⁵. В этой записке Гварнаскелли напоминал о предложении итальянского посла в Париже Гварильи, сделанном еще 9 июня³⁶. Смысл данного предложения сводился к следующему: основываясь на фактическом признании французским правительством аннексии Эфиопии Италией, потребовать от Франции передачи в собственность Италии той части акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба, которой владело эфиопское правительство. Кроме того, поставить вопрос о выплате итальянскому правительству дивидендов по этим акциям и задолженности по арендной плате, которую компания перестала выплачивать после захвата Аддис-Абебы итальянскими войсками. Речь шла о сумме, равной почти 20 млн. французских франков.

Гварнаскелли считал, что «право итальянского правительства требовать передачи акций вытекает из текста договора о концессии» и предложение итальянского посла в Париже «выглядит обоснованным с юридической точки зрения». Он предлагал направить французскому правительству официальный запрос по данной проблеме. «Можно ожидать, — писал Гварнаскелли, — что оно захочет рассмотреть его вместе со всеми другими вопросами, касаю-

³² История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 70.

³³ DBFP, vol. 6, № 509, p. 555. Лорейн — Галифаксу. Рим, 1.VIII.1939.

³⁴ См.: И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933—1939 гг.). Докт. дис. Пермь, 1973, стр. 372.

³⁵ DDI, vol. 12, № 369, p. 292—293.

³⁶ См.: Ibid., № 167, p. 147.

щими отношениями между итальянской Восточной Африкой, французским правительством и железнодорожной компанией». Это дало бы возможность выяснить, «не примет ли французское правительство этот... запрос как приглашение к ведению переговоров»³⁷.

Министр иностранных дел Италии Чиано поставил на записке Гварнакселли резолюцию, состоящую только из одного слова «Нет»³⁸. Такое решение свидетельствовало о том, что руководители фашистской Италии предпочитали придерживаться жесткой линии во взаимоотношениях с Францией.

Вечером 3 июля 1939 г. министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ лично присутствовал на ужине в итальянском посольстве в Париже. Французская дипломатия, несомненно, рассчитывала на то, что этот жест будет истолкован в Риме как проявление стремления правительства Даладье улучшить свои отношения с Италией. Сторонник франко-итальянского сближения, депутат французского парламента Аршамбо, также присутствовавший на этом ужине, сообщил в доверительном тоне итальянскому послу Гварилье, что «Даладье вызвал его и сказал без обиняков, что лично он настроен в пользу разрешения спорных вопросов» между Францией и Италией³⁹.

Скорее всего такие проитальянские жесты со стороны Франции были не только согласованы с английским правительством, но даже предприняты по его инициативе.

Однако в Риме решили пока не идти навстречу западным державам. 4 июля 1939 г. итальянский посол в Париже по поручению своего правительства вручил французскому министру иностранных дел ноту, в которой был выражен резкий протест Италии по поводу передачи Александреттского санджака Турции⁴⁰. Одновременно Чиано направил итальянскому послу в Берлине Аттолико инструкции, в которых потребовал, чтобы тот незамедлительно сообщил об итальянской ноте германскому правительству и просил, «чтобы тогда, когда нота будет опубликована в итальянских газетах, печать рейха благоприятно прокомментировала ее». У итальянского министра иностранных дел имелись, как он полагал, веские основания рассчитывать на поддержку гитлеровцев. «Позиция Франции имеет целью превратить подмандатные территории в колонии не только на Ближнем Востоке, но и в Африке; эти африканские мандаты требует вернуть Германия», — указывал Чиано⁴¹.

Руководители фашистской Италии рассчитывали, что общая точка зрения, выраженная державами оси по вопросу о мандатных

³⁷ DDI, vol. 12, № 369, p. 292—293.

³⁸ *Ibid.*, p. 293.

³⁹ *Ibid.*, № 464, p. 350—351. Гварилья — Чиано. Париж. 4.VII.1939.

⁴⁰ *Ibid.*, № 450, p. 343—344.

⁴¹ *Ibid.*, № 476, p. 359—360. Чиано — Аттолико. Рим, 5.VII.1939.

территориях и колониях, заставит французское правительство поторопиться с удовлетворением итальянских притязаний.

В Париже итальянская нота была принята холодно⁴². Тогда английское правительство вновь берет на себя роль инициатора франко-итальянских переговоров. Английский посол в Париже Фиппс встретился с премьер-министром Франции Даладье и вновь убеждал его начать переговоры с Италией. Фиппс заявил Даладье, что правительство Великобритании «будет готово, если он (Даладье.— В. К.) захочет, попытаться добиться сначала гарантий от итальянцев о том, что их требования будут ограничены четырьмя пунктами, выдвинутыми неофициально, а именно: Тунис, порт в Джибути, железная дорога в Джибути и места директоров в правлении Суэцкого канала»⁴³. Фиппс вручил Даладье специальную ноту, содержащую это предложение. Не отвергая саму идею франко-итальянских переговоров, Даладье выразил опасение, что они могут оказать «неблагоприятный эффект на мусульманское мнение» в североафриканских колониях Франции. Со своей стороны, Фиппс назвал эти французские возражения «частными»⁴⁴.

Одновременно с подталкиванием Франции к переговорам с фашистской Италией английские правящие круги усиленно готовились к решающему этапу секретных переговоров с гитлеровцами. В Берлин возвратился английский посол Гендерсон, перед ним была поставлена задача всемерно добиваться соглашения с Германией.

Посол Италии в Берлине Аттолико после встречи с Гендерсоном сделал вывод, что «Чемберлен не расстался со своей политикой умиротворения. ...Если бы Гитлер пошел навстречу, Чемберлен был бы расположен следовать тем же путем»⁴⁵.

С 18 по 21 июля 1939 г. состоялись секретные англо-германские переговоры, в ходе которых английское правительство предложило гитлеровцам заключить пакт о ненападении, который должен был включать в себя разграничение сфер влияния между Англией и Германией в мировом масштабе. Фактически речь шла о новом сговоре с фашистской Германией за счет Советского Союза и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В случае, если бы Гитлер пошел на серьезное соглашение с Англией, ему обещали также предать Польшу и прекратить переговоры с СССР. Взамен этого Германия должна была отказаться от вмешательства в дела Британской империи⁴⁶. В Берлине английские предложения были восприняты как свидетельство слабости Анг-

⁴² *Ibid.*, № 593, p. 447.

⁴³ DBFP, vol. 6, № 326, p. 358. Фиппс — Чемберлену. Париж, 14.VII.1939.

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ DDI, vol. 12, № 562, p. 424—425. Аттолико — Чиано. Берлин, 13.VII.1939.

⁴⁶ См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2. М., 1948, стр. 70—83, 103—104, 116—127, 132—142 и др.

лии⁴⁷. Гитлер сделал вывод, что в случае германо-польской войны «Англия останется нейтральной»⁴⁸.

В середине июля в Париже находился с деловым визитом представитель итальянских финансовых кругов Мальвецци. Французское правительство попыталось использовать его приезд для завязывания неофициальных контактов с правительством Муссолини. С Мальвецци встретился представитель французских правящих кругов Буасанже. В ходе состоявшейся между ними двухчасовой беседы Буасанже заявил, что в условиях серьезного международного кризиса он «считает весьма важными действия Италии, которые могут оказать еще большую услугу, чем во времена Мюнхена». Французский представитель сказал, что в Париже понимают, что для достижения разрядки нужно сделать «необходимые уступки» державам оси. «О таких уступках,— заявил Буасанже,— можно было бы говорить во время конфиденциальных переговоров уже сейчас. Затем необходимо организовать встречу четырех великих европейских держав (Англии, Франции, Италии и Германии.— В. К.) с тем, чтобы... обсудить основы более широких соглашений». Далее Буасанже сообщил, что французы готовы послать в Италию лицо, которое могло бы вести официальные или неофициальные переговоры. «Это лицо обладает широким пониманием итальянских интересов и не питает враждебности к державам оси,— сказал Буасанже.— Даже если не последует официального приглашения, было бы достаточно узнать, кто из итальянских деятелей будет уполномочен вести переговоры с французским представителем»⁴⁹. Действуя в соответствии с инструкциями итальянского МИД, Мальвецци воздержался от определенного ответа на французские предложения.

Одновременно с ведением секретных переговоров с Германией в Англии не теряли надежд добиться отрыва Италии от «оси Берлин — Рим». В конце июля 1939 г. представитель английских военных кругов полковник Лонг направил в Форин Оффис план, суть которого сводилась к следующему: Франция удовлетворяет итальянские требования относительно Джибути и Суэцкого канала, Англия гарантирует итальянскую границу на Бреннере (!), Италии предоставляется крупный английский заем⁵⁰. Министр иностранных дел Галифакс ознакомил с этим планом английского посла в Риме П. Лорейна. Последний выдвинул свои возражения против плана полковника Лонга, так как считал, что содержащиеся в нем предложения «не оторвут Муссолини от оси», а лишь «подтвердят его уверенность в том, что только осевая комбинация

⁴⁷ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе..., стр. 379.

⁴⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, № 402, стр. 537. Запись беседы германского журналиста с военно-воздушным атташе Германии в Польше, 7.VII.1939.

⁴⁹ DDI, vol. 12, № 617, p. 466—467. Мальвецци — помощнику государственного секретаря по иностранным делам Бастианини. Рим, 20.VII.1939.

⁵⁰ DBFP, vol. 6, № 447, p. 487—488.

принесет дивиденды Италии и что такие уступки являются первым платежом по ним»⁵¹.

Свои попытки добиться соглашения с правительством Муссолини западные державы совмещали с тактикой запугивания Италии. Муссолини дали понять, что в случае возникновения войны между западным блоком и державами оси действия вооруженных сил Англии и Франции в первую очередь «будут сосредоточены против Италии»⁵². Как сообщал 28 июля 1939 г. военно-морской атташе итальянского посольства в Париже Марготтини министру военно-морского флота Италии, «англо-французы весьма недвусмысленным образом определили свою стратегию в подобном конфликте: сопротивляться Германии и наступать на всех театрах (сухопутном, морском, воздушном, в метрополии и в Северной Африке) против Италии»⁵³. Фактически это было открытым предупреждением в адрес Италии. Таким образом, Англия и Франция использовали любые средства для того, чтобы не допустить выступления Италии на стороне гитлеровской Германии в войне против западных держав.

Важнейшее место в планах английского империализма на Ближнем Востоке отводилось Турции. Министр иностранных дел Галифакс подчеркивал, что политические и стратегические интересы Англии связаны с позицией Турции, которая имеет для Англии «жизненно важное» значение⁵⁴. Правительство Чемберлена опасалось возможного германо-итальянского наступления через Балканы на Ближний Восток. Подписание англо-турецкой и франко-турецкой деклараций еще не означало окончательного присоединения Турции к англо-французскому блоку. Поэтому в июле — августе 1939 г. английская дипломатия продолжала вести переговоры с турецким правительством, добиваясь заключения окончательного договора о взаимопомощи между Англией, Францией и Турцией с целью закрытия державам оси пути на Ближний Восток.

23 июля 1939 г. турецкое правительство представило свой проект договора с Англией и Францией, в котором содержалось положение о помощи западных держав Турции в случае любого «акта агрессии, нацеленного на турецкие территории или ведущего к войне таким путем, который стал бы рассматриваться Турцией как возможная угроза ее безопасности». Такая формулировка была неприемлема для английских правящих кругов, считавших, что это давало бы Турции право самой решать, имеет ли место акт агрессии, требующий вмешательства Англии⁵⁵. На заседании внешнеполитического комитета английского правительства 1 августа 1939 г. министр финансов Дж. Саймон заявил: «Поскольку

⁵¹ *Ibid.*, № 509, p. 554—555. Лорейн — Галифаксу. Рим, 1.VIII.1939.

⁵² DDI, vol. 12, № 745, p. 562. Временный поверенный в делах Италии во Франции Капраника — Чиано. Париж, 1.VIII.1939.

⁵³ *Ibid.*, p. 563. Прил.

⁵⁴ PRO, 947, Cab. 27/625, p. 311, 316.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 315.

Франция и мы обещаем оказать помощь жертве агрессии, то мы и будем решать, имел ли место акт агрессии»⁵⁶. На этом заседании Галифакс представил на рассмотрение членов комитета английский проект окончательного договора между Англией, Францией и Турцией⁵⁷. Комитет пришел к выводу, что надо добиваться принятия Турцией взаимных обязательств по отношению Англии и Франции в случае агрессии против них⁵⁸. Однако по предложению Галифакса было решено, что если в крайнем случае турецкое правительство отвергнет принцип взаимности, английская сторона не должна настаивать на нем при угрозе срыва переговоров⁵⁹. В английском проекте предусматривалось, что Босфор и Дарданеллы будут открыты для флота западных держав⁶⁰.

Англо-франко-турецкий договор должен был иметь и антисоветскую направленность. Исходя из тезиса о пресловутой «советской угрозе», статья 5 обсуждавшегося проекта договора предусматривала возможность совместных действий Англии, Франции и Турции против СССР. Комитет одобрил статью 5 в принципе, «при условии дальнейшего изучения ее окончательной формулировки»⁶¹. В целом, представленный 1 августа 1939 г. проект англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи получил одобрение членов английского кабинета⁶².

В обмен на свое согласие заключить пакт о взаимопомощи с Англией и Францией турецкое правительство требовало от них предоставления Турции займов и кредитов для покупки оружия. Поэтому на заседании внешнеполитического комитета английского кабинета 1 августа обсуждался также вопрос об оказании Турции финансовой помощи. Подчеркивая значение этого вопроса для интересов британского империализма, министр торговли О. Стэнли сказал: «Освобождение Турции от ее экономической зависимости от Германии имело бы важные политические и экономические последствия для всего балканского района и Ближнего Востока»⁶³. Однако в ходе обсуждения этого вопроса отчетливо проявилось стремление английских руководителей уклониться от предоставления Турции крупного займа и попытаться переложить его осуществление на другие западные державы. Премьер-министр Чемберлен прямо поставил вопрос: нельзя ли вместо предоставления английской финансовой помощи «побудить французов сделать что-нибудь в этом направлении?» Министр финансов Саймон ответил, что согласно уже проведенному неофициальному зондажу французский ответ «состоял бы в том, что, принеся большую

⁵⁶ PRO, Cab. 27/625, p. 316.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 310—323.

⁵⁸ Л. Живкова. Английская политика «гарантий» в 1939 г.— «Новая и новейшая история», 1972, № 1, стр. 42.

⁵⁹ PRO, Cab. 27/625, p. 317—318.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 313.

⁶¹ *Ibid.*, p. 321—322.

⁶² *Ibid.*, p. 323.

⁶³ *Ibid.*, p. 323—324.

жертву в виде передачи Хатая, они не готовы сделать что-либо большее для Турции»⁶⁴. Несмотря на это, было решено, что в качестве первого шага нужно все-таки попытаться обратиться к французскому правительству. Кроме того, Галифакс предложил английскому казначейству найти какой-нибудь способ, чтобы использовать часть золотых запасов США для оказания финансовой помощи Турции. Саймон взял на изучение это предложение⁶⁵.

Секретные переговоры с гитлеровцами не развеяли опасений английских «умиротворителей» относительно угрозы возможного продвижения Германии через Балканы на Ближний Восток.

Напротив, факты свидетельствовали о том, что эта угроза еще более возросла. 7 августа 1939 г. в неофициальной беседе с представителями Англии Геринг заявил: «Ближний Восток — это естественная экономическая сфера Германии и представляет для нее жизненно важную проблему». Сославшись на угрозу «распространения коммунизма», Геринг потребовал признать Ближний Восток «сферой влияния» Германии. Расчеты Берлина, таким образом, были направлены на то, чтобы лишить Англию богатых нефтеносных территорий на Ближнем Востоке⁶⁶.

В этих условиях правительства Англии и Франции приняли советское предложение начать переговоры о заключении англо-франко-советского военного соглашения. Вместе с тем англо-французские империалисты не оставляли надежд «договориться» с державами оси. Эту сторону политики правящих кругов Англии и Франции отметил в своем сообщении 11 августа 1939 г. итальянский поверенный в делах в Лондоне Кролла⁶⁷.

Первые же заседания военных миссий в Москве показали, что Англию и Францию больше интересовали разговоры о переговорах, чем достижение реальной договоренности о сотрудничестве с Советским Союзом против фашистских агрессоров⁶⁸.

К 17 августа Советскому правительству стало окончательно ясно, что Англия, Франция, Польша и Румыния не желают сотрудничать с СССР в организации отпора фашистской агрессии, возникла угроза полной дипломатической изоляции СССР. Стремясь не допустить создания единого антисоветского империалистического фронта, правительство СССР приняло неоднократные предложения Германии заключить с ней договор о ненападении. Советско-германский договор о ненападении был подписан 23 августа 1939 г. сроком на десять лет⁶⁹. «Не потому прервались переговоры

⁶⁴ PRO, Cab, 27/625, p. 324.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 330—331.

⁶⁶ Цит. по: Ф. Я. Румянцев. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972, стр. 4. См. также: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2. М., 1974, стр. 418.

⁶⁷ DDI, vol. 12, № 844, p. 626.

⁶⁸ СССР в борьбе за мир..., стр. 698, прим. 142.

⁶⁹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, стр. 72; М. В. Хвостов. Возникновение второй мировой войны. — В сб.: Вторая мировая война и современность. М., 1972, стр. 31—32.

с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией,— заявил в печати глава советской делегации на переговорах, народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов,— а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁷⁰. Советский Союз не позволил завлечь себя в ловушку, в которую его хотели затащить мюнхенцы.

Заключение советско-германского договора о ненападении привело к ослаблению германского натиска на Балканы⁷¹, а вследствие этого временно уменьшилась угроза выхода держав оси через Балканы к позициям Англии и Франции на Ближнем Востоке.

22 августа 1939 г. английский посол в Италии П. Лорейн сообщил в Лондон, что в случае возникновения войны Италия воздержится от участия в европейском конфликте⁷². В Лондоне пришли к выводу, что английская политика, направленная на обеспечение нейтралитета Италии в войне, дала обнадеживающие результаты.

25 августа Муссолини сообщил Гитлеру, что Италия не сможет оказать военную помощь Германии в войне против Англии и Франции⁷³. Италия уклонилась от выполнения союзнических обязательств перед Германией.

Западные державы принимали все меры к тому, чтобы поддержать у Муссолини нейтралистские настроения. Командующим английскими вооруженными силами за границей были даны указания соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не спровоцировать Италию⁷⁴. Французский посол в Риме Франсуа-Понсэ в беседе со своим английским коллегой выражал уверенность, что французское правительство сделает со своей стороны все для удовлетворения требований Италии по вопросам о Тунисе, Джибути и правлении Суэцкого канала⁷⁵. 1 сентября 1939 г., в день нападения гитлеровской Германии на Польшу, П. Лорейн получил из Лондона указание информировать итальянского министра иностранных дел Чиано о том, что Англия готова принять меры, «чтобы обеспечить свободный проход» итальянских судов через Суэцкий канал, если Италия будет оставаться «невражеской» стороной. Официально признавалось, что свободная навигация по каналу имеет «жизненное значение для итальянского правительства»⁷⁶.

Вместе с тем были приняты меры предосторожности. 25 августа правительство Египта заявило, что будет оказывать Англии

⁷⁰ «Известия», 1939, 27 августа.

⁷¹ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе..., стр. 382.

⁷² DBFP, vol. 7, № 160, p. 139—140.

⁷³ См.: Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973, стр. 122.

⁷⁴ Д. Батлер. Большая стратегия (сентябрь 1939 — июнь 1941), стр. 35.

⁷⁵ DBFP, vol. 7, № 452, p. 350. Лорейн — Галифаксу. Рим, 29.VIII. 1939.

⁷⁶ Ibid., p. 266, прим. ред.

свою помощь в соответствии с условиями англо-египетского договора 1936 г.⁷⁷ Ввиду опасений Лондона, что в случае войны Италия попытается блокировать морской путь через Суэцкий канал, английские торговые суда, направлявшиеся из Атлантики через Средиземное море на восток, а из Индийского океана через Красное море на запад, получили 26—27 августа указания временно задержаться соответственно в Гибралтаре и Адене. Правительство Египта ввело с 28 августа проверку всех судов, находящихся в египетских портах⁷⁸. Принятые меры свидетельствовали о том, что под угрозой находилась вся система британских средиземноморских коммуникаций.

31 августа все британские суда со скоростью менее 15 узлов в час были направлены вокруг мыса Доброй Надежды. Это решение было отменено 3 сентября, когда стало известно, что Италия «воздержалась» от вступления в войну. Однако суда, порт назначения или отправления которых находился восточнее Рангуна, по-прежнему обигали Африку⁷⁹.

1 сентября 1939 г. в Египте было введено осадное положение. В целях защиты Суэцкого канала от внезапного нападения с моря была издана серия приказов. 3 сентября у северного и южного входов в Суэцкий канал были установлены двойные бонные заграждения. Все торговые суда, проходящие через канал, стали подвергаться обязательному досмотру⁸⁰.

После того, как англо-франко-советские переговоры военных миссий в Москве закончились безрезультатно и потерпели неудачу попытки западных держав втянуть Советский Союз в войну с Германией, правящие круги Англии и Франции большое внимание стали уделять разработке планов «удара по источникам снабжения Германии стратегическим сырьем из балканских стран и Советского Союза»⁸¹. Как указывается в исторической справке «Фальсификаторы истории», «эти господа хотели вместо войны с гитлеровской Германией начать войну против Советского Союза»⁸². Суть этих планов сводилась к превращению территории СССР и соседних с ним стран в арену войны между англо-французским блоком и Германией. Англо-французские силы, сосредоточенные на Ближнем Востоке, должны были нанести удар по Советскому Союзу с юга, а немецко-фашистским войскам предстояло «защищать» источники снабжения Германии на Балканах и в СССР.

22 августа 1939 г., сразу же после известия об отъезде Риббентропа в Москву для заключения советско-германского пакта о

⁷⁷ D. A. Farnie. East and West of Suez, p. 616.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 618.

⁷⁹ *Ibidem.*

⁸⁰ *Ibidem.*

⁸¹ См.: И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе..., стр. 384—385.

⁸² Фальсификаторы истории. М., 1952, стр. 63.

нападении, правительство Даладье решило назначить главнокомандующим французскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генерала Вейгана⁸³. Назначение Вейгана не было случайным. Это был генерал, «пропитанный кастовыми предрассудками, ненавидящий народ и рабочее движение»⁸⁴. Во время третьего похода Антанты Вейган возглавлял французскую военную миссию в панской Польше, руководившую действиями польской армии против Советской России. В 1923—1925 гг. он был верховным комиссаром Франции в Сирии и Ливане. Вплоть до своего нового назначения в Левант генерал Вейган являлся вице-президентом компании Суэцкого канала, «поэтому в деле защиты Ближнего Востока у него был больший, чем чисто теоретический интерес»⁸⁵. Вейган с недоверием относился к англичанам. Все это дало французским правящим кругам основание считать, что генерал Вейган, который «принял с благодарностью»⁸⁶ свое новое назначение, будет умело защищать интересы французского империализма на Ближнем Востоке.

29 августа 1939 г. Вейган прибыл в Бейрут. Согласно данной ему секретной инструкции, он должен был организовать, снарядить и как можно лучше обучить предоставленную в его распоряжение «армию Леванта» и, координируя свои действия с британской армией генерала Уэйвелла и турецким генеральным штабом, подготовиться к возможному открытию военных действий⁸⁷. Вейган мог также вмешиваться во внутренние дела подмандатных стран и принудить их к военному сотрудничеству. После прибытия в Бейрут Вейган сосредоточил в своих руках всю полноту власти, армия берет на себя ответственность за все⁸⁸.

Вейган должен был также сыграть важную роль в подготовке и заключении окончательного варианта англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи. Прибыв в Левант, генерал Вейган немедленно связался с французским послом в Анкаре Массигли и сообщил ему о своем намерении встретиться в ближайшее время с представителями правительства и с начальником генерального штаба Турции. Однако Массигли, сославшись на нерешенность финансовых вопросов готовившегося договора, посоветовал Вейгану временно воздержаться от приезда в Анкару⁸⁹. В действительности, причина отсрочки окончательного заключения англо-франко-турецкого союза состояла в том, что правительства Англии и Франции продолжали еще надеяться, что им удастся договориться с Гитлером.

⁸³ P.-A. Bourget. De Beyrouth a Bordeaux. P., 1946, p. 4; M. Weygand. Rappele au service, p. 12.

⁸⁴ M. Торез. Сын народа. М., 1960, стр. 160.

⁸⁵ J. Steel. Men behind the War. A "Who is Who" of our time. N. Y., 1943, p. 214.

⁸⁶ P.-A. Bourget. De Beyrouth a Bordeaux, p. 5.

⁸⁷ M. Weygand. Rapelle au service, p. 13—16.

⁸⁸ P.-A. Bourget. De Beyrouth a Bordeaux, p. 8; G.-B. Duroselle. La politique exterieure de la France de 1914 a 1945, t. 3. P., 1946, p. 298.

⁸⁹ M. Weygand. Rappele au service, p. 16.

31 августа генерал Вейган прилетел в Александрию для переговоров с командующими британскими силами на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье генералом Уэйвеллом и адмиралом Каннингхэмом. На переговорах обсуждался вопрос о возможном участии французских сил, расположенных в Леванте, в обороне Египта. Вейган заявил, что французские войска предназначены «для другого использования» и поэтому их участие в обороне Египта будет возможно только «в случае крайней необходимости». Вновь выявились разногласия между союзниками по вопросу о Кипре: генерал Вейган настаивал на использовании острова французской авиацией, однако англичане сочли его предложение «невыгодным», утверждая, что «остров недостаточно защищен». Переговоры также показали, что английские и французский командующие придерживаются разных точек зрения относительно способов высадки экспедиционных сил союзников в греческом порту Салоники. Основную тяжесть в осуществлении этой операции англичане стремились возложить на французов⁹⁰. 1 сентября 1939 г. генерал Вейган возвратился в Бейрут.

Англо-французские военные переговоры с участием генерала Вейгана продемонстрировали, что отношения между союзниками были далеки от сердечности, их сблизила угроза со стороны Германии и Италии, но противоречия оставались. В начале сентября 1939 г. английский консул в Бейруте Гавард заявил Пью, что «Англия не будет предъявлять никаких претензий в отношении стран Леванта во время войны, но Франция не может рассчитывать на сохранение в будущем своего привилегированного положения здесь»⁹¹. 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия, напав на Польшу, развязала вторую мировую войну. Не сумев добиться нового сговора с Германией, Англия и Франция были вынуждены 3 сентября объявить ей войну.

2 сентября в Сирии и Ливане было введено осадное положение, на следующий день генерал Вейган получил указание срочно прибыть в Анкару для переговоров с турецкими руководителями⁹².

Попытки разрешить империалистические противоречия за счет СССР потерпели провал. Вторая мировая война возникла как вооруженное столкновение внутри капиталистической системы, порожденное ее противоречиями и в первую очередь действием закона неравномерности развития капиталистических стран в период империализма. «Она явилась продолжением политики двух империалистических группировок, их борьбы за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала»⁹³. Одной из причин возникновения второй мировой войны явилась борьба империалистов Англии, Франции, США, Германии и Италии за богатые нефтью и стратегически важные территории Ближнего Востока.

⁹⁰ *M. Weygand. Rappele au service*, p. 16—17.

⁹¹ *A. Fabre-Luce. Deuil au Levant*, p. 151.

⁹² *M. Weygand. Rappele au service*, p. 18—19.

⁹³ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, стр. 75.